
**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

**АНАЛИЗ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ТРАДИЦИОННОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
(ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)**© 2009 г. А. А. Транин¹

На Земле живет около пяти тысяч народностей, ведущих племенной образ жизни и занимающихся традиционным природопользованием. Их общее население составляет около 300 млн. человек. В настоящее время они населяют и идентифицируют для себя как свои коренные земли по крайней мере 20% всей земной поверхности. Территории, на которых коренные народы занимаются охотой, рыболовством и скотоводством, потенциально могут служить базой для традиционного природопользования.

Поэтому в ряде многонациональных и многоконфессиональных стран (в число которых входит Россия) имеется ряд специфических проблем взаимодействия с местным коренным населением по поводу сохранения традиционного образа жизни и традиционного природопользования, а также создания особых условий при разрешении возможных конфликтов между коренными народами и природоохранными интересами государства.

Жизнеобеспечение этих народов напрямую зависит от состояния природных ресурсов и территорий, не затронутых промышленным освоением. В этой связи весьма актуальной и перспективной является воплощение и развитие идеи взаимовыгодного сочетания системы охраняемых территорий и интересов коренных малочисленных народов в столь гуманной и важной политической задаче общепланетарного уровня как выживание коренных малочисленных народов, поднимает ее социальный статус и престиж, делает ее равноправным партнером в социуме на всех уровнях как компонента устойчивого развития общества.

В настоящее время в Российской Федерации проживают 40 коренных малочисленных народов общей численностью около 270 тыс. человек.

Проблемы восстановления и поддержания природо-ресурсного потенциала и системы регулирования его использования, проблемы хозяйственного развития территорий проживания коренных малочисленных народов, проблемы занятости и соци-

ального развития в сочетании с традиционным укладом жизни составляют единый взаимосвязанный комплекс задач. Важным условием их решения является обеспечение устойчивого социально-экономического развития этих территорий без ущемления прав и свобод проживающих на них народов.

На сегодня весьма актуальной становится проблема сохранения культур, традиционного образа жизни и традиционного природопользования малочисленных этносов и их самих, что в эпоху глобализации, пожалуй, одна из самых болезненных.

Достаточно серьезно она стоит и для коренных малочисленных народов России. С одной стороны, весьма интенсивно развивается законодательная база, гипотетически декларируя возможность сохранения традиционного образа жизни и традиционного природопользования этих народов, тратятся немалые средства, чтобы поддержать традиционные для этих народов виды деятельности (оленоводство, рыбный и пушной промыслы, национальные ремесла и т.п.). С другой – пока нереально запретить развиваться топливно-энергетическим компаниям и другим недропользователям, которые являются главными “поставщиками” валюты в бюджет, но при этом вытесняют аборигенов с мест, где на протяжении столетий те вели привычный образ жизни и хозяйствования, формировали свои материальные и духовные культуры.

Законодательные акты федерального и регионального уровня, которые приняты за последние годы, к сожалению, пока не могут работать в полной мере. Отсутствие подзаконных нормативно-правовых актов препятствует реализации коренными народами своих прав, закрепленных в Конституции РФ и в соответствующих федеральных законах.

Так, при отсутствии Положения о территориях традиционного природопользования (далее – ТТП) федерального значения, которое должно быть утверждено Правительством РФ, коренные малочисленные народы не могут реализовать свое право на образование ТТП, гарантированное Федеральным законом “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов

¹ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук.

Севера, Сибири и Дальнего Востока” от 7 мая 2001 г.² До сих пор не утвержден Правительством РФ Перечень районов проживания этих народов и Перечень территорий традиционного природопользования.

Первое определение традиционного природопользования в федеральном законодательстве дано в 1996 г. в Федеральном законе “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации”³: “Традиционное природопользование – исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования, главным образом, возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов”.

Понятие “территории традиционного природопользования” впервые упоминается в Указе Президента Российской Федерации “О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера” от 22 апреля 1992 г.⁴, согласно которому необходимо “определить в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера территории традиционного природопользования, которые являются неотъемлемым достоянием этих народов и без их согласия не подлежат отчуждению под промышленное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием; определить границы территорий для традиционных видов хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера с целью обеспечения неистощительно-го природопользования”.

Эти нормативные акты указывали на то, что ТТП рассматривались одновременно как *основа жизнеобеспечения коренных малочисленных народов и как территории с особым режимом использования и охраны природных ресурсов, направленным на сохранение биоразнообразия*.

Дальнейшее развитие ТТП получили в Федеральном законе “Об особо охраняемых природных территориях” от 14 марта 1995 г. (далее – ООПТ), где они включены в разделы, определяющие режим ООПТ, дающие возможность использования определенных частей ООПТ, организуемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, для традиционной хозяйственной деятельности.

Этот подход к ТТП был развит в Федеральном законе “О территориях традиционного природо-

пользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 7 мая 2001 г., где в ст. 4 прямо указано, что одной из целей образования ТТП является “сохранение на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия”.

За эти годы достаточно активно развивалось региональное законодательство. Были приняты законы о семейно-родовых общинах, семейно-родовых угодьях. Однако, к сожалению, в региональных законодательных актах о территориях традиционного природопользования природоохранной составляющей при определении статуса ТТП уделялось мало внимания. Земли коренных народов рассматривались прежде всего как территории для ведения традиционной хозяйственной деятельности, соответственно, в этих актах не было норм, направленных на охрану биологического разнообразия данных земель с участием самих коренных народов, или эти нормы были недостаточны. Это сразу сказалось на практике. Многие так называемые родовые угодья или их части различными способами ушли под промышленное освоение ресурсов недр.

Опыт последнего десятилетия показал, что, к сожалению, природоохранный компонент образования и развития территорий традиционного природопользования на региональном уровне недооценивается и нужна государственная стратегия как в образовании ТТП, так и в использовании и охране природных ресурсов этих территорий.

Как правило, это – наиболее девственные участки, не разрушенные индустриальной цивилизацией и поэтому имеющие наиболее высокую природную ценность.

Вместе с тем, с одной стороны, территории традиционного проживания и традиционного природопользования коренных народов часто совпадают или пересекаются с существующими или организуемыми особо охраняемыми территориями, с другой – в России эти территории (ТТП) часто совпадают с зонами разрабатываемых и разведанных ресурсов недр.

Современная ситуация требует создания предпосылок превращения коренных малочисленных народов в реальных субъектов экономических и социальных отношений, в связи с чем следует создать такой механизм, который бы обеспечил непосредственное участие самих народов в выработке, принятии и реализации решений, определяющих их настоящее и будущее.

Однако в настоящее время при достаточном общественном, научном внимании к вопросу о защите территорий традиционного природопользования, особо охраняемых природных территорий, происходит процесс стагнации и деградации в законодательных решениях. Так, упразднено “Положение о статусе родового угодья в Ханты-Мансийском автономном округе”; понятие “родовое угодье” ис-

² См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

³ Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 18. Ст. 1009.

чезает из научного и прикладного лексикона; многие родовые угодья потеряли своих хозяев и не обрели новых; желающие вернуться в свою исконную среду не имеют такой возможности. Подобная ситуация складывается и в других регионах России.

Озабоченность сложившейся ситуацией подвигла Правительство РФ к разработке и принятию Концепции федеральной целевой программы о состоянии и перспективах экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2007 г.⁵ В процессе реализации Программы предполагается сформулировать необходимые условия для сбалансированного и устойчивого развития территорий проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, создать условия, способствующие преодолению противоречий между традиционными отраслями хозяйствования и промышленным освоением северных территорий, сохранению естественной природной среды.

При формировании комплекса мероприятий определена роль государства в регулировании отношений коренных малочисленных народов и промышленных компаний – недропользователей в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности этих народов. Также предусматриваются меры государственной поддержки из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что целью Программы является обеспечение устойчивого социально-экономического развития территорий проживания коренных малочисленных народов, существенное повышение уровня их жизни и улучшения всей системы жизнеобеспечения на основе рационального природопользования, технико-технологического совершенствования традиционных отраслей хозяйства, социальной сферы, культуры и быта, подготовки и переподготовки соответствующих кадров из числа коренных малочисленных народов, совершенствование государственной поддержки.

В связи с указанными целями определяются и задачи Программы, суть которых состоит в том, чтобы подтянуть до современного уровня жизнеобеспечение коренных малочисленных народов. В частности, речь идет о технико-технологическом оснащении традиционных видов хозяйственной деятельности; об организации перерабатывающих производств в районах проживания этих народов; создании системы заготовок, материально-технического обеспечения и сбыта продукции; обеспечении факторийных форм торговли и товарообмена, а также других форм сельской кооперации;

обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия этих народов; создании системы медицинского обслуживания на основе современных технологий, модернизации жилищно-коммунального обслуживания и др.

Масштабность целей и задач Программы вселяет некоторый оптимизм, однако опыт последних десятилетий не дает особых оснований для перспектив резкой переориентации промышленных компаний на экологически цивилизованную деятельность, позволяющую сохранить естественную среду обитания коренных малочисленных народов и их традиционное природопользование.

Одним из условий успешного развития коренных малочисленных народов может быть только их полное материальное самообеспечение. Это возможно в результате подъема традиционных отраслей хозяйства и образа жизни на современный технико-технологический и организационный уровень с использованием сложившихся и проверенных многовековым опытом условий хозяйственной жизни, изменений в сфере воспитания и образования, культурно-досуговой, семейно-бытовой сферах с целью сохранения и развития национальной культуры, этнического самосознания.

Поэтому в последние годы интенсивно ведется поиск форм организации территорий проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов, позволяющих учесть указанные требования.

Со времени принятия Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” (1995 г.) в субъектах Российской Федерации было законодательно введено около 100 различных категорий ООПТ, что связано с учетом местных природных, социальных, культурных и религиозных традиций и полностью соответствует концепции федерализма и совместного ведения по данному вопросу (включая законодательство об ООПТ; ст. 72 Конституции РФ). В связи с этим нельзя принять позицию, направленную на установление исчерпывающего перечня ООПТ. Это приведет к девальвации основной идеи формирования систем охраняемых территорий и права субъектов Федерации на развитие регионального законодательства в данной сфере. Необоснованно прекратится и перечеркнется позитивная практика последних 10 лет по формированию региональных систем ООПТ различных категорий.

Применительно к нашему исследованию это касается таких региональных категорий ООПТ, как, например, этноприродные кархи (Республика Тыва, Республика Хакасия, Республика Алтай и др.)

Несомненно, сохранение открытого перечня ООПТ и возможность законодательного введения новых категорий представляется наиболее отвечающим потребностям сложившейся практики и позволит сохранить не только построенную уникаль-

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 4811. Ст. 6029.

ную систему ООПТ, но и создать предпосылки для гармонического сочетания отдельных категорий ООПТ и территорий проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

Согласно действующему законодательству основная цель создания ТТП, этнических охраняемых территорий – сохранение природной среды, культуры, языка; сохранение и развитие традиционного природопользования как экономической базы выживания малочисленных этносов в условиях промышленного освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Одной из организационных форм “партнерского” взаимодействия между территориями традиционного природопользования и ООПТ могли бы стать этноприродные парки.

Схема устройства этноприродного парка, предлагаемая некоторыми авторами⁶, на наш взгляд, весьма перспективна и представляет определенный интерес. По своей структуре это некий симбиоз национального парка и ТТП, тем более, что действующим законодательством о ТТП последние “с учетом особенностей правового режима” относятся к особо охраняемым природным территориям. При соответствующем зонировании это согласованное сочетание обеих категорий (ТТП и национального или природного парка) вполне может отвечать многим вышеуказанным требованиям.

Основная цель Закона о ТТП заключается в том, чтобы вывести территории традиционного природопользования из гражданского оборота и исключить их из сферы купли-продажи, наследования, дарения, аренды и тем самым сохранить для будущих поколений общины. Традиционное природопользование в соответствии с названным Законом рассматривается как исторически сложившееся и обеспечивающее устойчивое природопользование ресурсами коренными малочисленными народами. Как правило, к нему относятся такие виды деятельности, как оленеводство, морской, зверобойный и охотничий промыслы, рыболовство, собирательство дикорастущих растений и др., каждый из которых (по принятым международным нормам) должен регулироваться соответствующим законодательным актом (актами).

К сожалению, целый ряд норм в современном российском законодательстве в отношении прав коренных малочисленных народов на осуществление традиционного природопользования упущен⁷. Не урегулированы все аспекты, связанные с про-

блемой сохранения редких видов животных и растений, входящих в федеральные и региональные списки Красных книг: в ряде регионов коренные малочисленные народы будут постоянно оказываться нарушителями ряда природоохранных законов. Регулирования требует проблема соотношения ООПТ и традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Опыт разрешения конфликта в связи с созданием Командорского заповедника, проблемы ведения традиционного природопользования на Таймыре, острове Врангеля, Тьданде, на Дальнем Востоке, где созданы заповедники, включающие “исконную среду обитания” коренных малочисленных народов, позволяет считать необходимым разработку новых целевых законодательных регламентов. Возможно, считает А.А. Тишков, статус национального парка здесь был бы более уместен. Считаем возможным поддержать эту точку зрения, поскольку при соответствующем зонировании территории национального парка и взаимного согласования администрации парка и общин коренных малочисленных народов о территориях традиционного природопользования этих народов, такой выход решения проблемы может быть найден. Тем более что ст. 15 и 24 Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” предоставляют такую возможность.

Практика некоторых зарубежных стран (например, США, Канады) по решению проблем коренных народов (особенно северных областей) пошла именно по такому пути. По своим целевым установкам и приоритетам эти охраняемые природные территории не противостоят системе традиционного природопользования и выживания малочисленных народов Севера. Традиционное природопользование ориентировано прежде всего на разумное и неистощительное потребление природных ресурсов и вписано в природные экосистемы как естественный элемент. Поэтому его (наряду с системой особо охраняемых природных территорий) можно рассматривать как один из возможных вариантов реализации Концепции устойчивого развития.

В мировой практике имеются случаи, когда коренные малочисленные народы получали ряд преимуществ при признании их территорий особо охраняемыми в природоохранном смысле. Это относится к тем странам, где правительство не признает земельные притязания аборигенов. Так, в США в штате Аризона, природоохранный резерват Рок Коралл Каньон площадью 2 тыс. га способствовал сохранению примитивных агросистем коренной народности племени Тохано Одхам⁸. В известном смысле особняком является штат Аляс-

⁶ См., например: Рянский Ф.Н. Экологическое состояние природной среды // Зеленый мир. 2008. № 3–4 (Экологическое досье. 2008. № 1. С. 30).

⁷ См. подробнее: Тишков А.А. Судьба российского законодательства по защите прав коренных малочисленных народов Севера: комментарии у разбитого корыта // <http://www.biodat.ruldok.ru/lib1/tishkov/1.htm> (2006, 11 мая).

⁸ См.: Охраняемые природные территории. Материалы к созданию Концепции системы ООПТ России. М., 1999. С. 114.

ка, большую часть которого занимают особо охраняемые природные территории (национальные парки, резерваты, заказники, памятники природы), позволяющие в наиболее полной мере сохранить не только уникальную северную экосистему, но и традиционный образ жизни, природопользование коренных жителей – эскимосов, поселки которых органично вписаны в систему охраняемых природных территорий. Многие из представителей этих народов являются рейнджерами. Наблюдательные пункты снабжены мобильной радиосвязью и технически оснащены.

В 80-е годы США из-за растущего самосознания и борьбы за свои права коренных народов севера страны столкнулись с проблемой пересмотра Концепции национальных парков (это касается штата Аляска). Было создано 10 специальных охраняемых территорий (в основном – национальных парков, резерватов).

Все они представляли собой крупнейшие и наиболее разнообразные в биологическом смысле охраняемые природные территории США. Их целевые установки предполагают охрану природы и развитие традиционного природопользования на паритетных основаниях.

Согласно Акта об охране земель Аляски в национальных интересах (1980 г.) при каждой охраняемой территории создается “Комиссия по оптимальному использованию ресурсов”. При их помощи принципы традиционного природопользования становятся неотъемлемой частью менеджмента любой ООПТ. Комиссии, образуемые главным образом из местных потребителей ресурсов, составляют и рекомендуют Конгрессу страны оптимальную программу охотничьих мероприятий для своей охраняемой природной территории. Непосредственным выходом в Конгресс и федеральную Службу национальных парков эти Комиссии принципиально отличаются от подобных инициатив Канады. Они уполномочены требовать от федеральных властей внедрения программ, не входящих в противоречие с природоохранным законодательством, не угрожающих здоровью и естественному состоянию популяции животных и не приводящих к истощению ресурсов жизнеобеспечения коренных народов⁹.

Канадская практика показывает, что коренные малочисленные народы активно выступают за идею развития охраняемых природных территорий. Вклад коренных народов в территориальные методы охраны природы признан важным и своевременным. Например, первым национальным парком, при организации которого учтены права и традиционное природопользование коренных народов, был национальный парк “Вуд Буффало”. Эта единственная охраняемая территория в стра-

не, имеющая долговременный опыт традиционного природопользования и взаимодействия с коренным населением. Несмотря на очень сложную ситуацию земельных притязаний многих коренных племен и этнических групп на территорию парка, его властям удалось создать систему соуправления, совершенствующуюся по сей день.

Неоднозначность ситуации была и в том, что многие представители коренных народов не могли договориться между собой о единстве требований, поэтому договоры соуправления подписаны администрацией парка по отдельности с рядом этнических групп. Первой группой, с которой администрацией парка был подписан договор в 1987 г., было племя чипповеев кри. В основные пункты этого договора включены, например, следующие: гарантируются права рыболовства, охоты и трапперства для всех членов племени в местах “традиционных интересов”; организуется консультативный комитет по управлению дикой природой, в котором члены племени имеют большинство мест с правом голоса; согласовываясь с комитетом, власти распределяют охотничьи участки, квоту добычи; племя чипповеев кри имеет право безусловного вето в отношении любой промышленной деятельности в местах традиционных интересов; у членов племени предпочтительный доступ в любое место парка.

В некоторых местах, особенно в северных регионах Канады, управление парками осуществляется на основе равного раздела прав органов управления и коренных народов в отношении принятия решений (соуправление и соглашение о совместном управлении). Примерно треть всех канадских национальных парков имеет в составе совета управления представителей коренных народов. Администрация парков практикует привлечение коренного населения на работу в парках. Традиционные знания коренных народов активно внедряются в исследовательские программы парков и практику принятия решений.

Так как образ жизни коренных народов тесно связан с природой, многие парки на законных основаниях разрешают определенные виды неистощительного природопользования – различные виды охоты и рыболовства. В границы парков часто входят места и предметы культурного наследия коренных народов, которые также защищены законом.

Канадский Север – традиционное место проживания различных групп коренных народов, в основном индейцев. Вехой в отношениях между ними и государством стал договор между правительством Канады, представленным министром по делам индейцев и развитию северных территорий и Комитетом по оказанию помощи аборигенам.

Например, как юридический документ “Заключительное соглашение с инуиалуитами” регулирует принципы организации хозяйственного ис-

⁹ См.: там же. С. 116.

пользования земель северо-западной Канады, обеспечивающего средства существования коренного населения и устойчивое использование природных ресурсов. Это – правовая основа одного из удачных прецедентов построения территорий традиционного (приоритетного) природопользования народов Севера в мировом масштабе¹⁰.

Взаимовыгодное сочетание и сосуществование ООПТ и ТТП коренных малочисленных народов окажется, на наш взгляд, весьма полезным как для сохранения уникальной природы Севера России, так и для народов, его населяющих. Как видим, американский и канадский опыт дает позитивный ответ на этот вопрос.

Возвращаясь к российским реалиям, необходимо отметить, что в отечественном законодательстве роль коренных народов в охране природы пока не нашла надлежащего отражения. Недостаточно понимается их роль также исполнительными органами власти и природоохранными службами.

В этой связи необходим комплекс мер по совершенствованию законодательства Российской Федерации, подготовке государственной программы по образованию территорий традиционного природопользования и, что особенно важно, привлечению коренных малочисленных народов к участию в практическом решении вопросов охраны природы и устойчивого развития.

Сегодня для многих очевидно: малочисленные народы не сохраняются на этнической карте страны, если государство не будет деятельно сохранять исконную среду их обитания. А эта среда находится под угрозой. Нефтяные и газовые добывающие отрасли часто наносят урон местам обитания коренных малочисленных народов Севера, нарушают экологический баланс территорий природопользования. Навсегда разрушается растительный покров тундры, что ведет к сокращению поголовья оленей, приходят в упадок другие традиционные промыслы.

Имея прямое указание Федерального закона “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока” от 7 мая 2001 г. разработать и принять Положение о таких территориях федерального значения, **Правительство РФ**

за семь лет не сделало практически ничего. За это время коренные народы потеряли свои родовые земли, пастбища и охотничьи угодья, которые уже переданы некоренным землепользователям на условиях долгосрочной аренды или отданы под лицензионные разработки недр¹¹.

В рамках Второго Международного десятилетия коренных народов мира серьезным импульсом в развитии российского законодательства в области защиты прав на традиционное природопользование коренных малочисленных народов должна явиться ратификация Российской Федерацией Конвенции № 169 МОТ “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах”. Данный вопрос, как известно, неоднократно обсуждался в России, в том числе и с помощью парламентских процедур – в рамках парламентских слушаний, “круглых столов”, проводимых комитетами и комиссиями Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Пока, как считает А.А. Тишков¹², правовой режим пользования землей и иными природными ресурсами, осуществляемые коренными малочисленными народами, определен лишь в общих чертах. Нет четких правовых регламентов существования ТТП и отношения к ним со стороны государства и бизнеса, не разработаны процедуры по разрешению конфликтов, возникающих в связи с использованием природных ресурсов, само право природопользования не дифференцируется в зависимости от категорий коренных народов (охотники, рыболовы, оленеводы и др.) и по типам ресурсов, не соединены в единое целое элементы обычного и государственного права в отношении традиционного природопользования, что достаточно широко применяется в международной практике законодательства о коренных малочисленных народах.

Будем надеяться, что меры, предпринимаемые Правительством РФ, изложенные в федеральной целевой программе “О состоянии и перспективах экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 г.”, не остались только на бумаге.

¹⁰См. подробнее: там же. Разд. 3.1 “Охраняемые природные территории и проблемы коренных народностей”. С. 113–115.

¹¹См. подробнее: Актуальные проблемы развития экологического права в XXI веке. М., 2007. № 5. С. 157–159.

¹²См.: Тишков А.А. Указ. соч.